

Павел Улитин

макаров

чешет

затылок

Э
вспомни "смерть"
себя как
там говорит
Этом подслушно и
с одной новеллой
о Москве 1937 года
просто книга, когда

Павел Павлович Улитин

Макаров чешет затылок

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3092035

Макаров чешет затылок: Новое издательство; М.; 2004

ISBN 5-98379-014-5

Аннотация

Имя Павла Улитина (1918–1986), для кого-то почти легендарное, при жизни автора не было широко известно, и эпизодическая публикация его текстов в зарубежной периодике не меняла общей картины. Только в 90-х годах Улитина начинают печатать российские журналы, а в 2002 году был опубликован «Разговор о рыбе» – первое произведение писателя, вышедшее полностью и отдельной книгой.

«Макаров чешет затылок» продолжает традицию аутентичного издания улитинских текстов, сохраняя в печатном виде основные свойства рукописи и не нарушая ту «челночную» связь между печатным словом, рукописным знаком и устной речью, которую мы вправе считать основой писательской техники Улитина – экспериментальной, загадочной и совершенно оригинальной.

Содержание

Памятка	4
Макаров чешет затылок[1]	10
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Павел Павлович Улитин Макаров чешет затылок

Памятка

«Макаров чешет затылок» – второе произведение Павла Улитина, выходящее полностью и отдельной книгой. Первое («Разговор о рыбе») было опубликовано два года назад в издательстве О.Г.И. Две эти книги – лишь малая часть литературного наследия писателя, умершего в 1986 году в возрасте без малого шестидесяти восьми лет.

Ту книгу, что сейчас перед вами, Павел Павлович Улитин написал в 1966–1967 годах и начал ее фразой: «Уходя из мира, не забудьте хлопнуть дверью, а то никто не заметит». Но двадцать лет спустя он собственному совету не последовал, и его уход заметили немногие.

Хотелось бы теперь, еще через восемнадцать лет, составить подобие памятки для читателя, впервые открывшего книгу прозаика Павла Улитина. По некоторым признакам можно понять, что такой читатель уже есть – или вот-вот появится. Кажется, пришло его время. С запозданием на полвека, но это как водится.

Мы не знаем, когда Улитин начал писать «свою», особенную прозу. Среди рукописей, изъятых у него в 1952 го-

ду, значатся черновики двух романов и рукопись третьего – «Возвышенная организация». Уже в этом названии ощущается скрещивание значений, характерное для зрелой прозы Улитина: цитата из «Бесов», но еще и эвфемизм, обозначающий другую организацию, не столь возвышенную (она-то и изъела эти рукописи). А среди его записей можно обнаружить и такую: «Листочки в кармане в 43 году ничем не отличались от страниц, написанных в 34-м».

Думаю, отличались все же. В 1934 году Улитину было шестнадцать лет, он жил на Дону в станице Мигулинская. В сорок третьем он жил там же, но лет ему было больше, и это был уже другой человек. Кое-что произошло за эти годы. В 1938 году студент второго курса ИФЛИ П.П. Улитин был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму, а выпущен оттуда через шестнадцать месяцев «по комиссии», – то есть живым, но не вполне и на заведомо недолгий срок. Улитину, однако, удалось этот срок продлить и потом (1951–1954) пережить еще одно заключение по политической статье.

Но читатель, настроенный на встречу с мемуарами «жертвы режима», действительно может воспринять текст этих книг как «рыбу» в издательском, полиграфическом значении слова. Как уход от прямого, «серьезного» разговора. (И будет, я думаю, в чем-то прав. Есть вещи, о которых так прямо не скажешь. О них Улитин и пишет). Связный рассказ «о пережитом», подробности и имена есть только в «Хабаровском резиденте»: табуированном (при жизни) тексте Улити-

на, написанном от третьего лица. По другим книгам рассыпаны эпизоды или отдельные фразы, тюремное происхождение которых понятно лишь читателю со стажем. Никаких датированных воспоминаний, никакой «автобиографии». Так что же это – повесть, рассыпанная на детали, куски? Едва ли. Если собрать и последовательно изложить, не будет никакой повести, – то есть никакой прозы.

Читать Улитина не так просто как раз потому, что его слово – совсем простое. И очень легкое. «Я хочу найти слова, которые не имеют прибавочной стоимости». Он освободил свое письмо от постороннего счета и лишнего веса. Хотя бы от принудительного уважения к каторжной биографии или блеска (всегда немного суетного) писательской техники. Его письмо ничем не гарантировано, это литература *без гарантий*. В ней осуществляется тот «способ свободы», который людям сегодняшнего дня понятней и почему-то ближе, чем сверстникам писателя.

Видимо, Улитин писал всегда. Даже когда ничего не записывал. Литературой была длившаяся двое суток речь, о которой рассказал нам его сосед по камере-палате. Или общение с людьми, иногда почти случайными, подсевшими к его столику в кафе «Артистическое» (это уже начало шестидесятых). Место было интересное, кое-кто из случайных знакомцев переходил в разряд постоянных, поминаемых в текстах Улитина и через два десятка лет (Юло Соостер, например).

Но проза Улитина ни в коем случае не записанный моно-

лог, и устное слово – сырой материал для дальнейшей работы. Секрет в том, что «на выходе» будет слово, по многим признакам совпадающее с устным, речевым. Но таким, которое редко услышишь: полным внутренней значительности и странного напряжения.

Чтобы так зазвучать, фраза должна быть выделена и проявлена. Тогда самые простые слова наполняются голосом и повисают в воздухе, как будто они сказаны только что, прямо сейчас. Проникают в твоё сознание по другим каналам – как заклинания что ли?

Я начал читать Улитина больше тридцати лет назад и должен сознаться, что первая книга мне давалась с трудом. Я не сразу понял, как ее надо читать. Нет, неверно: я не сразу понял, что ее не надо *читать*. Ее нужно слушать. Как ритм, как стихи. (Похоже, Улитин и поэт Ян Сатуновский пришли с разных сторон к одному открытию: к ритму, проявленному в речевой интонации). Интонация настолько точная и захватывающая, что чувствуешь и – в конечном счете – понимаешь, что это, о чем. Не все понятно, но все ясно. Этот текст говорит с тобой или рядом с тобой, мимо тебя, но всегда учитывает твоё, слушателя, присутствие. Он затягивает. И вот уже тридцать лет я читаю, перечитываю тексты Улитина, в которых как будто ничего нет, никакой информации.

В них есть тон, звук. Они – и только они – открывают тебе доступ к другому сознанию, к чужому опыту. Опыту человека, который был изломан, но не сломлен.

И отстоял себя – свой ироничный и трезвый ум, способность соединять желчь с весельем, страдание с любопытством. Я могу почувствовать его, Улитина, отношение к жизни (и к смерти). Не что он об этом думал, а каким *тоном* говорил.

И еще я не сразу понял, что текст Улитина это во многом «чужая речь»: мозаика чьих-то слов, перемешанных и выстроенных заново по другим законам. На страницах его книг нет персонажей, но есть множество действующих лиц. Каждый произносит свою речь или свою реплику на тех же основаниях, что и сам автор.

«Я с вами. Я с вами. Я с вами. Вы, которых никто не помнит, я с вами». Конечно, Улитин ищет *свое* слово. Но он лишен той наивности, когда любое слово заведомо считается своим. Он ищет свое слово среди чужих. Свое среди чужого. Цитата, скрытая или явная, дает возможность избежать необязательного повторения, но при этом еще и переиграть, переосмыслить ситуацию. Цитирование здесь не прием, а способ мышления и – что самое существенное – способ выживания.

Мне кажется, что тексты Улитина – реализованная возможность даже не «другой прозы», а другого *письма*, то есть иного способа записи, фиксации. Фиксации мысли? Вероятно. В первую очередь. «Написанная фраза уводит мысль. Она уводит ее своими словами. На самом деле все не так: словами никто не думает, самое интересное это как раз то,

о чем человек думает не словами. Ход мысли на бумаге это еще что-то третье. Ход мысли на бумаге слишком зависит от бумаги. Без бумаги мысль течет по другим законам. Но вот на бумаге появляется слово „мысль“, и ход мысли шарахается в сторону, как испуганная лошадь». Улитин фиксирует мысль, еще не ставшую речью, или речь, не перешедшую в литературу: окрашенную в природные цвета; движущуюся с естественной скоростью, – рывками, порывами, толчками. Передает на бумаге окраску голоса, его интонацию. Движение мысли, движение речи, наполненные эхом звучащие паузы, завораживающие длинноты – все это, должно быть, и есть проза Павла Улитина.

Михаил Айзенберг

Макаров чешет затылок¹

Мороз

157 стр.

УХОДЯ ИЗ МИРА, НЕ ЗАБУДЬТЕ ХЛОПНУТЬ
ДВЕРЬЮ, А ТО НИКТО НЕ ЗАМЕТИТ.

Написать такое слово физически собственной рукой доставляло удовольствие. А то бы еще какая сила заставила. Теперь не то. Не мучил бы я вас, как это было раньше.

Зло, но похоже на правду. Слишком правильно, чтобы быть хорошим. Слишком верная, чтобы быть доброй.

Культ черновика, но до такой степени? Игра – как всякая игра², а главное – почти безвредно.

Я с ним настолько в дружбе, что могу ему писать доносы на своих товарищей. Определение дружбы в стиле члена КПСС с 1951 года. Есть отдельные недостатки. Например, отца расстреляли. Еще пример, евреев на работу не принимают за картавое произношение. А в общем все хорошо с

¹ Оригинал – машинописная книга формата А5, переплетенная самим Улитиным. Воспроизводится страница в страницу с сохранением структуры текста. Сохранены также некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации. В комментарии использованы заметки Ларисы Аркадьевны Улитиной (1924–2002).

² *Игра – как всякая игра* – ср. Блок «Перед судом»: «Та мечта, как всякая мечта».

точки зрения сталиниста, который на самом деле – хунвэйбин.

Я не читал это, но знаю, что это хорошо написано. Марсель Пруст 18 ноября 1958 года.

Этого достаточно.

15 тетрадей

†

Вдруг в конце января внезапно подули сильные холодные студеные суровые китайские ветры, и оттепель отошла на задний план. Хотя опасности надо ждать не весной и не зимой, а только летом. Куда исчез генерал Монти³ со своим пророчеством?

Слоны долготерпенья стояли на конверте. Козлы отпущенья бежали прочь.

Домового похоронили, а вот ведьму до сих пор не выдали замуж. И это все читать должны России верные сыны. Мы этот день рождения игнорируем.

А почему он не хунвэйбин? А это звучит убедительно? А то как у члена КПСС с 1951 года: мы думали, он ленинец, а он сталинист, да еще и пламенный борец за идеи Мао Цзеуна в кафе «Лира».

Сеанс одновременной игры не состоялся. Ваша профес-

³ генерал Монти – вероятно, герой Второй мировой войны Монтгомери Аламейнский.

сия, господин Джойс? Учитель языков. А почему не ом де летр?⁴ А кто уважать будет, фыркнул Джойс. Учитель языков – это почтенное занятие профессора Хиггинса⁵, а писатель – это дело такое туманное, что в гостиницу не пустят: а вдруг не заплатит за номер?

Ирония звучала только по-английски: игра слов – джойз – радости и Джойс – фамилия. Мистер Чужие Радости звучало как «пимп» или, по крайней мере, «джиголо» или «чисбей» или «пети-метр».

Владелец словаря слэнга ухмылялся. Юн нюи – сан сэнкант⁶. Только ты не перепутай сэнк с сэнкант⁷, а то получишь пятерку вместо 50 рублей. Приходится объясняться одним горящим взглядом, да вы сами понимаете.

А я с ним могу сыграть и без королевы. А я ему могу отдать не только туру, но и ферзя. А вы знаете, какие вещи читают, например, уважаемые дамы из Союза композиторов? Если бы я их процитировал, вы бы ахнули. И даже имени такого не смею громко произнести даже на уроке

⁴ *ом де летр* – литератор (*фр.*)

⁵ *профессор Хиггинс* – персонаж пьесы Б. Шоу «Пигмалион» (Здесь, как и в других местах книги, надо иметь в виду, что имена исторических деятелей и литературных персонажей используются автором в качестве постоянных или виртуальных псевдонимов персонажей его книги – реальных людей. Расшифровка этой системы обозначений не всегда возможна и не всегда корректна).

⁶ *Юн нюи – сан сэнкант* (*фр.*: *une nuit – cent cinquante*) – ‘одна ночь – сто пятьдесят’.

⁷ *не перепутай сэнк с сэнкант* – т. е. 5 (*cinq*) и 50.

английского языка в частном доме. Хотя по-французски это звучит вполне благопристойно. «Мастер и Маргарита» – типичный Абрам Терц. Ну Гофман, если вы не знаете Абрама Терца. Ну Гоголь, если вы читали

«Нос» или «Записки сумасшедшего». Гофман как автор «Кота Мурра», а вовсе не тот Гофман, которого мы до сих пор знали. Человек, темпераменту и карьере которого можно только позавидовать.

В 53 году это была Эммануэла. В 58 году это был Ойзерман. В 66 году это был Балашов. Но ни в каком году не был Улитин. В 33 году это был Шелепин. Щенки не могут без эффектов. Если они читали Гегеля или изучали Хайдеггера, так обязательно дадут понять, что такое американское понятие личности. Это блестяще, как слеза женщины. Это брильянт отчаяния. Вот как они выражались. До самого твоего письма у меня не останется других мыслей, кроме как об не спать по ночам, об думать о тебе и об ни о чем больше. Вот как они выражались в феврале 1957 года. И буква «тэ» как в журнале «Америка». Чей это почерк? Чье это письмо? Конец главы был написан на станции Миллерово в ожидании поезда на Ростов в час ночи 10 июля 1955 года. Я вырвался как из омута. Сам дурак, никто не заставлял туда лезть. Жизнь пчел сработала. Паюсный психоз. Ни разу три ночи подряд. Чужая эгида и тюремная любовь, а то бы еще что! Вдруг в конце лета была награда: горячий песок и чужая поза. Но это, в сущности, одно и то же.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

10 стр

Если бы он не бросал в тюрьму своих идейных противников. Если бы он не заточил Джиласа.

У Диктатора

ЦЕННОСТИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

А О ДРУГИХ

Ты ПОДУМАЛ?

А ОН ИМПРЕССАРИО СОБСТВЕННОГО
ПОЗОРА

1

Был бы идеальный край у этого симпатичного человека, если бы не один факт. Только один факт. Ценности не представляет. Заговорил языком экскурсовода, консультанта при военном трибунале. Барахтался, карабкался, бился как рыба об лед. Эти слова на этой бумаге и эти стены у этого дома на этой улице. Как увижу амфибрахий, так душа идет ко дну. Все важно для дикой яблони. Никакого значения не имеет для оттепели. Только карманный формат с нейтральными словами у мельницы. Требуется ваше отсутствие. ТВО-е, только твое. Как 5 лет за латинской машинкой: сначала мы уйдем, а потом опять придем. Гроза надвигалась. Занять ваш

ум мне не дано. С кем я тревоги боевые в шатре за чашей забывал? Разве учительница литературы спорит с ученицей 5 класса? Какой может быть спор? ГЗБ: а мы идем в кино. Развернулась пружина. Мела поземка. Пронизывал ветер. А о других ударах ты не подумал? Он утратил понятие о хорошем стихе. Вот беда. Вот плохо. Заботы исчезнувшей цивилизации – как хороший завтрак, когда, наоборот, не надо завтракать. Классики не стеснялись. Кандид настраивает на погибшие книги в лесу. Только монолог. Дикий демонический танец: как перевод с древнего английского языка на средний, а потом на новый.

А новый уж давно стал старым. Счастье Мартина Чэзлвита тоже было недолгим. Это же невозможно читать поэму в аудитории с трибуны. Это же раздеваться догола. И тут же сидит жена поэта. Так это же достоинство!

Мальчик-С-Пальчик вынужден был извиняться перед Бабой-Ягой за то, что он такой худенький. А ты покорми меня, бабушка, а потом уж ешь. На повороте из переулка на улицу мелькнул сюжет. Помню.

Но сам сюжет забыл. Удивительные слова приходили на той скамейке во глубине двора под деревьями с видом на то окно. Я еще посижу на той скамейке. Как 20 часов ожидания после того, как тебя ошарашило слово «освобождается». А что было? Сидел и думал, готовился к разговору, к возвращению на тот свет, о возвращении на который и не мечталось. Я видел такие радости и не в таком виде. Может, пото-

му и не тороплюсь попасть на Собачью Площадку. Тишина, где твой смысл? Тишина, я искал тебя как вдохновение! А ему не мешает присутствие. Малого того. Его это даже как-то подстегивает. Он любит работать на машинке, когда кто-то рядом сидит. Это дешевый способ поиздеваться над человеком. Вы хотели меня уесть, но вам это не удалось. Если бы! Там свои счета. А расчет только один. И подспудное течение только холодное. И реакция только одна: унижение паче гордости. И ошибка опять та же самая. Сивцев-Вражек.

Он не знал, что к нему все ближе и ближе подходит Михаил Булгаков. Я не знал, что отталкиваясь от Олеси, я все дальше ухожу на Пятницкую улицу. Чемодан не тяжелил, тяжелила мысль. Веселила перспектива. По его понятиям, Карл Радек сидит в тюрьме и пишет мемуары. Ему и в голову не приходило, что бумаги могут не дать и что там вообще не до мемуаров. Нечего бога гневить. Да, но об этом же никто не знает. Никто, никто? Никто. Никому и в голову не может придти. Она покачала головой. Можно подумать, что ей это даже сожально. Так не бывает.

Карандаш добился бы точных формулировок и краткости. Если надо выбирать между «жив подлец» и «смерть героя», то – что? То, пожалуй, герой еще жив и если себя не покажет, то о себе расскажет. Рано хоронить героя. Моя точка зрения имеет значение только для меня, потому что у меня с ним действительно личные счета. Он помог мне упасть, а не подняться. Он принял меня за кого-то еще.

А казалось бы, были все возможности понять друг друга. В этом смысле и только в этом смысле мне его не за что благодарить. На этом и играют. Этим и пользуются. Четвертая плоскость пересекает ту же мысль в нужном направлении. Близнецы из «Земляничной поляны» тоже не были бы так простодушно болтливы, если бы не были уверены, что в них тоже воплощена совесть эпохи. Тут идут аллюзии на ту книгу, которую мы еще не прочитали. Формат иногда выбирается безошибочно. Иногда. И как один умрем в борьбе за это. Запятая бы, страшно мешала бы. Кавычки уводили бы мысль в литературоведение. Многоточия я не заметил. Впрочем, где-то мелькнуло, но не до такой степени. Будешь знать. Будешь знать. Вдруг захотелось рассказать про Эммануила Егермана и совсем в другом свете. Хм. Значит задело. Еще бы. Настолько задело, что все перевернуло. Для нас поиски прошлого – это будущее в настоящем, которым мы живем. Я вот возьму старую стенограмму и начну все сначала. А если все-таки слишком много слов, так это для равновесия. Вам-то нечего Бога гневить.

Это вам известно, а больше никто не знает об этом. Это тоже имеет значение. Улыбка получилась кривая и натянутая. День рождения, где богатству подарков придавалось слишком большое значение. Там было три слова: дорого, громоздко и ненужно.

Но про тщеславие не говорят, что оно бушует.

А дело, конечно, в том, крупное оно или мелкое.

У него все крупное: и недостатки и подлости, если уж на то пошло. Я не понял этого движения. С меня хватит и первой реакции. С меня хватит и коричневых лабиринтов. На самом деле, конечно, важней всего метонимия. И Прага, конечно. И доклад Златы. Я возвращусь, преодолевая тлен. Свой тлен и ваш плен. Злоупотреблял и я когда-то точкой. Как и именительным падежом. Подписано Грибачевым. Не может не ухмыльнуться. Не надо лишать его этих маленьких радостей. Точно так же, как не надо мне говорить, о чем мне можно, а о чем нельзя писать.

А то я вообще никаких слов не буду употреблять и вам же хуже будет. А тогда они попадут к другому читателю и это будет еще хуже. Я не знал, что британскую орфографию нужно изучать на латинской машинке и что из-за этого я не смогу стенографировать западные передачи. Я не знал, что это остановит. А не пишет он потому, что не может без грамматических ошибок и боится, что будут смеяться. Только и всего. Я не знал, что только это его останавливает. А потом вы будете всем показывать и козырять моим письмом. Я не знал, что только из-за этого я не получил письменный отзыв на «Мутную воду». Осторожность в эпистолярном жанре просто убийственна. Так и Шамфор же жил под той же эгидой. Да, но расцвет эпистолярного жанра был до Шамфора. И этого боцмана вы хотели пригласить в качестве лоцмана! Первая реакция была правильная. О том, что это роман, пока не было ни слова. А неведомые пределы – только кра-

сивая фраза: все тут всем ведомо и дорога не такая беспредельная. Возьми 6 страниц из 1953 года и ты увидишь, что и там было то же самое.

Новое завещание не оставил. Для него в силе старое или предидуший вариант. Он все дожидается смерти классика. А классик в том смысле и классик, что для того чтобы стать в общем мнении классиком ему недостает только умереть. Значит срабатывало и тут самое мимолетное из чтений. Значит отбывалось. Он просто забыл, на каком языке он думал, когда еще не изучал французскую литературу. Не может же он согласиться с тем, что он тогда вообще не думал. Я думаю только на французском языке, а вы на каком? Он думает, что он думает. Он думает по-китайски, а думает, что он думает по-французски. Татарский бог в золотой тюбетейке⁸ на фоне не им написанных книг. Назвался Гудзием, поезжай в Киев. А голос Качалова иметь необязательно.

Я, конечно, буду способствовать. Веселый яркий весенний день стоит у двух тополей с железной перекладиной между ними для гимнастических упражнений. Как будто там и дождей никогда не было.

А у меня в кармане рваного пальто «Фауст» по-немецки. Уж этого-то вы у меня отнять не можете!

УЖ ЭТОГО-ТО ОНИ ОТНЯТЬ НЕ МОГУТ. Наконец-то. Я не знал, что в тот год я думал словами Марселя Прево. Я не знал, что его книгу о женщинах должна была прочи-

⁸ Татарский бог в золотой тюбетейке – Демьян Бедный.

татья всякая женщина в Париже в 1903 году. В особенности если она приехала в Париж из Одессы и о ней будут писать в журнале «Вестник иностранной литературы» в Петербурге. В 1901 году, если уж говорить точно. То есть при жизни Чехова. Я имел в виду вдову-хранительницу, вдову-наследницу. Контур рисунка подействовали, хотя глаз, кажется, и не задержался больше, чем на другом. Не контуры, а хорошо выписанные глаза, а все остальное осталось просто белой бумагой. Я бы хотел подписаться под таким портретом.

И так всегда: мы говорим одно, а подразумеваем другое. Мы говорим другое, а подразумеваем ОДНО. Литературная компания, где богатству участников придавалось большое значение. Я имел в виду другое, но попались чужие слова, и я их высказал. В таком контексте твой поступок выглядит совсем нелепо. Впрочем, что ж, не так уж нелепо, если подумать. А если не подумать, то стыдно. Подземная река бурлит и воет. Подспудное течение нет нет да и прорывается. Независимо от знаков препинания. Смутные параллели рождаются и умирают, а мысль надо выразить точно. Вот что бывает, когда слова попадают не по адресу. Ты позволил им взобраться на плечи, а они не замечают, что сидят, а ты ждешь благодарности. И оного делать нельзя было. Но была мысль, что все это уже конец и поэтому пусть хоть это останется. Тогда конечно. А неожиданное высокомерие опять же из-за жуткой неуверенности в своих возможностях. Речь идет о силе. Я подожду, я подожду. Под этот постоянный припев

шли-проходили годы. Мне стало грустно. Что-нибудь случилось? Почему у тебя такой вид?

А про песню неправда. Может быть, лучшее, что он написал. У меня такое чувство, будто нас обокрали и мы еще раз сгупили. А что можно было сделать? Сундуки закопать в саду, а не отправлять в Воронежскую губернию. Золото не хранить в банке, от которого остались две книжки. Замок вешать большой и настоящий, а не маленький и символический. Если он решил взломать, он взломал бы и большой, как было с амбаром. Я думал о выставке, а сказал что-то еще. Я все-таки ему сказал что-то, чтобы он не считал меня таким дураком. Пусть знает, что я тоже знаю. Я недаром вздрогнул от вида той рубашки. Но я ведь не добились и минимума благополучия. Рано его еще хоронить. Если надо выбирать.

15 минут на морозе подействовали очистительно, но великая печаль осталась. У твоей души тихий голос. Он слышен только в тишине. Пусть заглушит наружный шум, ключи останутся. Это. Эта непередаваемая дерзость, почти нахальство. В сочетании с такой бестактностью, почти хамством. Не буду я про это. И про то ни слова. Не надо. Мне нужно молотить, а ей, видите ли, нужно ехать. У меня один день год кормит, а ей забожалось⁹ прогуляться за 12 верст. У меня в хозяйстве все горит, а ей подавай, запрягай быков и гони чорти куда киселя хлебать. Мне это ненужно совершенно. Когда я сидел в кафе для ритуала и чтобы не прерывать тра-

⁹ *забожалось* (Даль: *забажалось*) – сильно захотелось.

дицию, я подумал о другом. Но это другое слишком быстро выветрилось. 10 страниц старой стенограммы под странную пагинацию /4022 – 4033/ тут бы сделало свое дело. Но срывает только отталкивание в новую сторону и, может быть, шарахание в другую крайность. Напрасно эта книга лежала на самом видном месте, напрасно. Сухая кожа, знак бодрости и непочатых сил, вместе с тем заставляла бежать куда-то. Об этом есть намек у Леонида Андреева, но только намек. Об этом рассказал писатель Варлам Шаламов в рассказе «Академик». Не совсем точная параллель потому, что у этого орденоносца папа был потомственный московский профессор, и книги были еще из дедушкиной библиотеки. Слишком много восторгов по поводу хождения по комиссионным магазинам.

Кому что, кому хождения по мукам, кому хождения по магазинам. Кому орден, кому слава, кому мутная вода¹⁰. И это еще не все. Нищего упрекнули, что с него нечего сжудить. Баба-Яга упрекнула Мальчика-с-Пальчика, что он такой худой и навар будет с него не ахти какой.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

Научили на свою голову кухарку управлять государством, а теперь уж ее на кухню не отправишь.

¹⁰ *Кому орден, кому слава, кому мутная вода* – почти по Твардовскому (там «Кому память, кому слава, кому темная вода»). «Мутная вода» – текст Улитина 1960 г.

СНЕГ ОПЯТЬ

ВОТ КАКОЙ

ВИД: вот как это бывает.

ТЕЛЕГРАФНЫЙ

СТОЛБ

ПОЭТ, НО НА СВОЕМ ЯЗЫКЕ

ЛОВУШКА

Белое пятно не забылось. А имеет значение заглядывать кому-то в глаза? На лавочке лежал снег. На ступеньках крыльца лежал снег. Пристав взломал ящик письменного стола. Они тебя выбивали из седла. Странно. Ящички с плотными листами, как в банке. Карточки указателя в кармане. Странная подборка ничему не научила. Как погиб Урбанский?¹¹ Узнаю, ладно. Вода крутилась, вращалась, сворачивалась в узел-воронку и шла дальше. Безд на и гибель – вот какой вид. Ты думаешь, я тебя утоплю? Ты что, меня за человека не считаешь? Бандит был оскорблен в лучших чувствах. Шаткий челн разрезал воду. Вода неслась могучей мутной

¹¹ *Как погиб Урбанский?* – 5 ноября 1965 на съемках фильма «Директор» реж. А. Салтыкова: перевернулась машина во время трюковой съемки.

плотной лавиной. А кто про него сказал – верещащий телеграфный столб? Вершины сосен тихо раскачивались в вышине. Лошадь, загнанная в мыле, хотела спать. Пришпоренная смелым ездоком лошадь спускалась в метро. 11.11.65 – четверг. Как с русским языком у Марины Цветаевой: вы поэт на своем языке. Но проблема другая: поэт всегда в чьих-то чужих глазах, это вдруг нужней одиночества и вдохновенья. Металась и знала лучше всех, что ее ждет и все-таки рвалась туда, откуда сбежала. И что нашла опять? Холод, сдержанность и мертвую пустыню. Был разговор о литературе. Как о живописи в канцелярии великого инквизитора. Переписанные чужим почерком, эти слова производили странное впечатление. Твои слова. Твои слова превратились в ловушку для простаков¹². Знавшие больше других знали и то, что им меньше других придется жить.

Он – да вышел из возраста, но он опять в него входит. Он же впадает в детство.

КОНГЕНИАЛЬНОСТЬ ДОСУГОВ у нас не совпадает с некоторых пор. Не совпадает, а не получается. На этом и построен весь рассказ. Переведи его, и он будет твой. Это как стремление вставить как можно больше, тогда как нужно как можно больше удалить. И то правда. Но вот же видно, что вставленное и написанное сверху – хуже. Хотя и так

¹² *Твои слова превратились в ловушку для простаков* – пересказ фрагмента стихотворения Киплинга «Если» («the truth you've spoken / Twisted by knaves to make a trap for fools»).

можно. Хотя и на полях уже законченной книги можно написать много нужного и хорошего. Все это был бы ритуал, когда бы день не начинался с недоумения. Зарядка. Нет, он почему-то придирчив к тому, над чем я смеюсь. Факт сам по себе заслуживает похвалы. Проповедует, но не практикует сам.

А сам не может до этого уровня подняться. Ты должен радоваться, что я смеюсь, а не плачу. Тут пошла в ход старинная история. Друг от друга мы отличаемся только тем, как быстро у нас исчезают деньги из кармана. А кому нужна такая далекая перспектива – 30 лет спустя? Слышал, что она сказала: 30 лет – это ужасно. А ей обидно, что у нее, кроме ее самой, нет никого, кто помнит 30 лет спустя. Мама помнит, но разве мама у нее жива? По-моему, нет. Как раз тот самый случай. Домового похоронили, а вот ведьму до сих пор не выдали замуж. Сколько их? Куда их гонит? Мог бы и переписать, ничего бы не случилось. Привыкли иждивенцы пользоваться чужим непроизводительным трудом. Рукопись должна 6 раз обращаться. Слышал когда-то я. Халтурщик-профессионал, но иногда получается: работает на самом высоком уровне. Вы тут не эталон, вы ставили свою подпись и не под такой халтурой. Вот уже видно направление. Рассказ о Егермане, печатавшем стихи под псевдонимом Охотников. Синоптики обещают гололед. Сегодня в Москве слабый гололед. Надо быть исключительно осторожным. Ты слышишь меня?

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

3

БЛАЖЬ И
БЗИК

СТИЛИСТИКА
ГОГОЛЯ

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ПЛАВАТЬ

Вот так и с переводом на другой язык. Та книга да не та. Те же слова да не те. Он на меня смотрел как на рыболова, занявшего его обычное место. Территориальные воды чужой державы. Это как с книгами. Самый невообразимый бзик: то никому не давать, то вообще не возвращать, то вдруг «чего бы вам дать?» А там тебе не возвратят твою же и тобой написанную книгу. Такая любовь к литературе. Фырк. Чужой фырк уничтожает твой фырк и настраивает чорти на что. Растопить печку. И опять как будто ничего не случилось. Он работает в длинных синтаксических ритмах. Сам себе нравится, это чувствуется. Этот болван имел дерзость поучать других. Заучил, ну чисто заучил. От ударов тяжелым предметом по верхней части спины. Там много линий. Но все линии работают на Крошку Ру¹³: видали, как я плаваю? Это на-

¹³ Крошка Ру плавает в 8 главе «Винни-Пуха».

зывается плавать. То, чем я занимался, называется плавание. Видал, как я плыл? Это называется плыть. Это плавание. Вот это и есть плавать. Если это плавание, то что такое утопание? Никто не задал такого вопроса. Куда вам плыть? Вот и решайте. Нет возвращенья. Нет убежища. Нет возврата. Нет гавани. Нет уголка. Сорока-воровка. Кошка и валерьянка.

ОН ПЛАВАЛ. Он и сейчас плавает.

В декабре в той стране снег до дьявола чист¹⁴. Хунвэйбин в той стране – не чекист. А возьмут? А вы у них спросите. Отвернулся от нас ЯН Могила. Ждут, когда автор подохнет. А он подохнет. И не дождется, куда уж, срока «50 лет спустя после гибели последнего из персонажей». Кто будет писать некролог? Кто речь на могиле? Кто говорить у гроба? Кто плевать на могилу?

Я все чего-то жду в декабре. Всегда в декабре. Хорошо одетая правда переспорила совершенно голую истину. А он был как факт, одетый с иголки. А новелла не получилась. А получился только устный юмористический рассказ, пародия на Карл-Людвига Опица. Тут есть иррациональное зерно.

Стихи, которые нельзя читать вслух – они не доходят: еще один пограничный случай. Это уже не стихи. А что – проза что ли? Прибой, как вафли, их печет. Я клавишей стаю кормил с руки. Давно это было. Это было в Колонном зале 30 лет назад.

¹⁴ В декабре в той стране снег до дьявола чист – Есенин «Черный человек».

Тифлисский банк был ограблен чисто. Потому пламенный грузин руководил операцией¹⁵. Потому что опытный человек. Все средства пошли на РСДРП, ну за исключением тех, которые не пошли; на проведение операции, скажем. Думайте, дешево – содержать четырех джигитов и пять головорезов. Они же этого не понимают, чтоб бескорыстно служить идее.

И так 50 лет. Мы говорим ОДНО, а подразумеваем другое. Мы говорим ДРУГОЕ, а подразумеваем ОДНО. Кому еще чье? А все и должно без перехода. Я еще не умел тогда обходиться без даты.

Пурга, хамы и одиночество были у якутского прозаика и не в декабре, а в феврале. В конце февраля овечьные первой оттепелью. Почерк не ученический, видно, что никогда не писал прямо на машинку.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

4

ОН ПИШЕТ ГУСИНЫМ ПЕРОМ н р о т у б е р а н е ц

ПОЭМА О МОЕЙ ЛЮБВИ:

тут я говорю,
как надо любить.

ТРАВА

¹⁵ Тифлисский банк был ограблен чисто. Потому пламенный грузин руководил операцией – имеется в виду участие Сталина в т. н. экспроприациях.

пробивалась сквозь асфальт.

Русская ЭПИГРАММА

Как давно это было.

БАЗАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС¹⁶

МАГАЗИН ПОЗЫБИТ, ПОЗАБРОШЕН

Необозримо – вот что. А через «тошно перечесть»? Уроки странной подборки. 4 страницы из одной, одна страница из другой книги. Он пишет гусиным пером на слоновой бумаге. Но куриным почерком.

С ослиным упорством? Это не про него, нет.

Не вижу продолжения. Послушать эти напевы, так сдохнешь от тоски. Все проще. Но попробуй продвинуть простоту и попадешь впросак. Мало я глядел в ту сторону, нужно больше. Я сохранил эту страницу, истоптанную сапогами. Ее бы повесить на стену, чтобы постоянно напоминала. Рассказ подействовал, ничего не скажешь. Течение было таким сильным, что на одну минуту подумалось: не выгрести, не выбраться, как же тут быть? Классики не стеснялись. Они знали, что нельзя и вашим и нашим. Тов. Ивашева-Инашева приехала из Лондона. Вологодский конвой смотрит на Эйфелеву башню. Имена уже примелькались. Начало было где-то

¹⁶ базальный процесс – основной.

раньше. Уже потух интерес. Разве так можно? На этой лестнице пришла в голову дикая мысль. Догадка сработала правильно. Но разве можно жить с такой догадкой? Тот самый случай. А его, наверно, уже не интересует базальный процесс. Хм. Так я и не нашел, что искал. Достаточно посмотреть на лицо и услышать десяток слов, чтобы убедиться. Со всем другие заботы. А казалось, дышали одним и тем же воздухом. А казалось, ходили по одним и тем же дорожкам. По кобрам есть что-нибудь? По кактусам чтонибудь новенькое? По клопам Европы? По декоративным рыбкам? Боже мой, он же тоже читал ту же самую книгу!

5

не торопитесь разрядить аккумуляторы

Что он увидел в «Снегах Килиманджаро»? Это же сдохнуть! Все они читали Достоевского по-американски. Возмездием интересовались? Почитывали? По-французски или по-английски? По-немецки. Original! Fahr hin in deiner Pracht¹⁷.

И тут то же самое.

Не ваша этическая проблема.

Не твое поэтическое дело!

Но картина с воздухом осталась. Благодарность, блаженство и безнадежность. Ну. Зачем. Как они любят навязывать

¹⁷ Original! Fahr hin in deiner Pracht – «Ступай, чудак, про гений свой трубя!» («Фауст», ч.2, акт 2. Пер. Б. Пастернака).

свою любовь к своим линиям, к своим краскам, к своей смене кадров. Опять пробежал этот бегун с его одиночеством на длинной дистанции¹⁸. Не надо было сходить с дистанции.

ОПЯТЬ ЭТОТ
БЕГУН
с его одиночеством
НА ДЛИННОЙ ДИСТАНЦИИ

протуберанец
ТРАВА ПОД СНЕГОМ

5

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК
вольный казак

А ОНА НЕЗЛОПАМЯТНАЯ

ОСТАВЬТЕ ВЫ МЕТАФОРУ В ПОКОЕ

А она не злопамятная.

Как это похоже на все остальное. Все казалось, мы ушли куда-то. Никуда мы не ушли. Все вертится вокруг одного и того же. Высказался. Помню. Но заверчивал, но закручивал. Тебя принимали за кого-то еще. Одной фразы было достаточно. Но ошибаться так хотелось. Там жизнь бьет ключом. Там тоже не стесняются проявлять характер. Зачем вам это

¹⁸ *этот бегун с его одиночеством на длинной дистанции* – подразумевается рассказ А.Силлитой «The Loneliness of the Long Distance Runner» (рус. пер. «Одинокий бегун»; 1963).

нужно?! Вот именно. Куда все это входит, неизвестно. Ясней некуда.

И так все ясно. Чего ж больше. Нищему показывают пачку денег. Вот уж где все ветры дуют. Избавиться не удалось. Все на каких-то других основаниях. Это подводное течение все время сбивает с толку. Свободный человек делал все, что чья-то левая нога захочет. А она не злопамятная, эта собака: она покусала и уже не помнит. Библиотека. Читальный зал. Я все твержу, а заклинание не получается. Если они так, то тебе сам Бог велел поднимать на щит ФМД¹⁹. Линия «Травы» сквозь асфальт через 7 лет. На свою совесть такой грех брать – нет, увольте! Только смешанная метафора, как нарушение грамматики, ближе к мысли: чистота упрощает, уводит в сторону и успокаивает, когда надо волноваться. Каждый вертит в свою сторону. Про кожу просто неловко, а ей хоть бы хны. Сама такая. Потому-у-у-у! Нарыв там, туда и кусок энергии. Совет материнской любви? Так держать, сестра!

4304

Ветер срывал с дикой яблони цветы. Еще 14 дней до отъезда. Ты меня с собой возьмешь в Большой Город? Он же обещал, он же обещал! Он же сказал: я возьму тебя с собой. В кирпич на дорожке от калитки до парадного, если упереться обеими ногами, то всё. Но оказалось не так. Она подня-

¹⁹ ФМД – Ф.М. Достоевский.

ла мальчика подмышки, и ноги заболтались в воздухе. Его волнует только НЕ-Поднятая Целина. Многое о Ван-Гоге относится больше к Феликсу Крулю, чем к Ван-Гогу. А у нее губа не дура. И ветер тихий мимолетом твоей одеждою играл и с диких яблонь цвет за цветом на плечи юные свевал²⁰. Показывает только уровень умственного развития и только. Тоже мне интеллект. Нет третьего пути! И в голосе зазвучала злость и нетерпимость. Видно, имелось в виду что-то четвертое. А нас интересуется последний день свободы. И первый день Саши Свободина в Париже. Что значит истинный друг. Ваше понятие об Илье Арнольдовиче Файнзильбере. Тогда не писали «г» на конце. Отчеркнул пассаж на конце страницы и остался доволен. А те 30 страниц были кратко пересказаны confidentу. Им оказался Н. Коржавин. Ржавое железо было свалено в углу, а он сбил замок, думал, что тут, по крайней мере, золото и бриллианты. Ну мука, ну пшеница, ну всякое добро. Операция по вывозу чемоданов и корзин была проведена им же. Ну а то кем же, больше некому. Старик-кузнец помалкивал. Он тоже живет для будущего. Его будущее, как потом оказалось, – это его собственные сыновья. Башня еще стояла, но профессора уже не было в живых. Кузнец купил у профессорши дом на углу за 2 пуда муки. По одному плану строили. Я слегка нажал, что-то хрупнуло и кончик ножа отвалился. Оказывается, и бритвой нельзя пал-

²⁰ *И ветер тихий мимолетом твоей одеждою играл и с диких яблонь цвет за цветом на плечи юные свевал – Тютчев «Я помню время золотое».*

ку перерезать. А еще говорят, самое острое – бритва.

4305

А жизнь снова поворачивается к нам своей самой хамской стороной. Не имеете права проживать без прописки. Это сказали Ефросинье Петровне²¹ на работе в яслях, где она проработала 20 лет. Ночевать вы должны в Москве! Идеиные механизмы действуют: кво вадис, Доминэ? Академик Павловский – паразитолог. И зоолог. Он написал «Ядовитые животные» с посвящением «Моей любимой жене».

Я бы получил огромное удовольствие от народной демократии в Англии и Америке. Ну, мы бы все! Не годится он в потенциальные вожди? А почему? Он был очень богатый человек тем богатством /имуществом/, которым были богаты его соотечественники, то есть дикими животными. Это на экзамене по истории языка. Василий Григорьевич: если я украду, так не по мелочи! Книга из Праги. Это живопись? Да, всё святые, бабы голые, мужики голые – это все искусство! По рыбкам у вас ничего нет? С-с-собаки! Есть ли у вас какие-нибудь собаки? Ну что-нибудь о собаках? Она хотела, чтобы в характеристике было указано, что она сверх-человек. Слишком много труда без капитала. Слишком мало дайджестов по 57-му году. Но зачем обязательно правой рукой в левом ухе? А он считает своим долгом ковырять в ле-

²¹ Ефросинья Петровна Писарева, жена С.П. Писарева.

вом ухе правой ногой. В наши тяжкие времена без прописки жена не нужна. Подпишите. «В течение всей моей молодой жизни я подвергался объективному воздействию растлевающего влияния американского образа смерти, который вместе с моими личными качествами /самолюбием и карьеризмом/ привел меня к антисоветской контрреволюционной деятельности». Подписал. Глокая куздра опять. Аккумуляторы опять. И тут сидят люди не глупее вас! Виктор Адольфович сердится 14 июня 1956 года. С претензиями!

4306

Американские девушки – как голландский сыр. Чем больше они попорчены, тем больше их любят. Ну что может прожигать этот прожженный тип? Лысина все-таки спереди. Я самый яростный попутчик²². Кому это я попутчик? Часть прошлого, которую невозможно сделать частью настоящего, потому что она – помеха для будущего. Смерть придет раньше, чем это дойдет до сознания. В этом – счастье неорганизованной материи. Свист еще проносится, а самолета уже нет. Королева сидит на троне, но все равно она сидит не на голове, а НА. Почему он заседает? Потому что есть. Расщепленный атом приблизил человека к носорогу, и в этом вера, надежда и любовь. Жизнь играет с тобой в роман, а он называет это прикладной беллетристикой. Мне и прописка,

²² *Я самый яростный попутчик* – Есенин «Письмо к женщине».

по его мнению, нужна была для сюжета. Стр. 132 из романа «Скутаревский». У меня уже давно новый режиссер, а главреж этого не понимает и понимать не желает. Самое удобное и безопасное убежище – метро, в частности под нами. Метровый потолок: весь дом обвалится, а вы спокойно выйдете в соседний переулок. К чему мы готовимся? 16.5.57

Это было 18 мая 1957 года. Сигнал УП – угрожаемое положение. Мир стал лучше за эту неделю.

А мы и не заметили. А он, действительно, стал лучше. А мы, действительно, не заметили. Он написал одну страницу «Вместо внутренней рецензии и прежде Внутренней тюрьмы». Но имела значение только взволнованность. А причины остались за бортом. Клуб взаимных восторгов кончился, началось – что? Кафе. Отчетливый запах асфальта в тюремном дворике для прогулок. Ого. Криминальный автограф 333-А затерялся. Туда ему и дорога. Слишком много выброшено.

4307

У вас по мхам ничего нет? Вне знакомства отныне вообще. Давно бы! Дуняшку гоняешь? Какую? Как? Ну Дуньку Кулакову, небось, знаешь? Сестра улыбнулась. Не злоупотреблять! Здоров. Выписать.

У каждого Чорта Иваныча свой норов. Мы не сошлись характерами. Мир жаждет единства. Кому же интересно умом становиться на сторону победителей, когда все чувства и

симпатии остались с покойниками? Кому же нужна такая победа? Эта пятерка ПО Поведению потеряет всякий смысл, как только ты выйдешь из 5 класса. Можно подумать, что Герцен и Огарев только о том и мечтали, чтобы удобно устроиться в эпохе. Можно подумать, что души не существует. Крой, Ванька, Бога нет. Если у тебя нет совести, то тогда, конечно, бога нет.

А молодой Бонапарт в это время был занят поисками комнаты в Москве. Маленькая, но семья. О ваших принудительных друзьях и знакомых – 27.4.57

23 июля 57 года: сазан ушел, вот беда. Надо было нацепить новый крючок, тот кованый и золоченый. Трудно что ль было! Эх жалко! Хоть бы посмотреть. Хоть бы подержать в руках. Не так было бы досадно. Этот тяжелый нелепый неуживчивый человек совершенно не создан для семейной жизни. И вы должны благодарить судьбу, что достаточно рано от него избавились. Он мой друг, и я вижу его недостатки. Ну как вот жить с ним, я понимаю Вас. Он такой вообще: ни с кем не уживается, со всеми ссорится, и уж на что я друг, и то мне с ним тяжело бывает. Не поймешь, что ему надо: мечется, вечно неудовлетворенный. Ну и бог с ним, бросьте вы его, это может к лучшему. Наверно, ему с Вами было лучше, а вот, пожалста, он ищет еще чего-то. Вообще ни с одной женщиной: это, видите ли, стесняет его свободу, а для чего ему свобода, он сам не знает.

Сталин карал без разбора, мы с разбором. Кто такой Кафка? 3 июля 57 года: кому фестиваль, кому прописка²³. Кому суд, кому дело. Кому живопись в Центральном парке. Сил ровно столько, сколько нужно, чтобы попасть в ЦПП. А СПП²⁴ советует: пишите в ЦК и в ЦКК. Красный кирпич казенного дома – качан кукурузы, парадный подъезд, железный занавес: милая моя мышь! Стоит овчинка выделки? Без СПП не обойтись. Но как у него выручить «фиброму утерис»?²⁵ Опять пошли суккуленты²⁶. Граф Калиостро опять лег в больницу. Дмитрий Иванович: да не поверю я никогда, что у него отнялась правая нога и левая рука. Как пенсия на год кончается, так он ложится в больницу. Жена у него там работает. 2 месяца полежит, выходит и опять получает 1000 рублей в месяц, и опять пенсия на год. Марья Вечиславовна его хорошо знает. Фроловский: гипнотизер-гастроллер, ве-

²³ *3 июля 57 года: кому фестиваль, кому прописка*. – VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве с 28 июля до 11 августа. В том же году Улитин получил справку об отмене постановления ОСО 1952 г., результатом которого было 3-летнее заключение в ЛТПБ (Ленинградской тюремной психбольнице).

²⁴ *СПП* – Сергей Петрович Писарев (1902–1979) – член КПСС с 1920 г., борец за права человека, в особенности против злоупотреблений психиатрией. В 1953–54 гг. находился одновременно с Улитиным в ЛТПБ. Их дружеские отношения продолжились на свободе.

²⁵ *фиброма утерис* – (доброкачественная) опухоль матки.

²⁶ *суккуленты* – растения с сочными листьями или стеблями.

ликий комбинатор. Вы с ним не нервничаете? Обстановка такая, что приходится. Нет, ночью в постели. Нет что вы. Смотри. Письмо из Берлина ушло в чужой архив. Та, которая тебе британскую энциклопедию подарила. Нолев²⁷ рисовал, когда был в нее влюблен. По памяти? По воображению. На потолке антресолей черной тушью контуры чужого акта. А лицо замазано. А деду нужен сахар. А дед гонит вино. Цена 25 рублей – в неделю хоть раз один быть свободным и молодым в кафе «Отдых». Алик Рабинович уезжает в Сочи²⁸ снимать натуру. Купил «Великолепные бабочки реки Амазонки». Но любовные игры диких зверей ему ни к чему. Правда ли, что ваше «гавт» делает все, что народ захочет? Как ты думаешь, чего-нибудь будет? Кисло!

4309

Каждый из них считает, что каждый порядочный человек – и правильно делает – антисоветчик, и как антисоветчик, он должен ответить на этот вопрос отрицательно, а он отвечает положительно, потому что у него нет данных ответить аргументированно отрицательно. Было мило-очаровательно. Тихий Про-Американец переводил Пастернака на американский прямо с хода. Я не сомневаюсь, что вырасту в тыся-

²⁷ Нолев – художник Ю.А. Соболев (1928–2002).

²⁸ Алик Рабинович уезжает в Сочи... – речь идет о кинорежиссере Александре Митта.

чекратном размере для всех обывателей Советского Союза. Вот как разговаривает по телефону Дон Кихот с площади Свердлова²⁹. Просто праздник. Если бы зритель захотел побывать на всех встречах и киносеансах фестиваля, ему б потребовалось 100 лет жизни. Ну для заклятых друзей это не проблема. Приходила девушка из Сорбонны. Ему подсунули часы, и обвинили в краже. Все должно быть общее, даже ошибки. Когда наш товарищ ошибается, мы все страдаем. А он живет на отшибе. 29 декабря 1957 года никакой группы западных журналистов не было. Был один Г. Шапиро, и они с Пастернаком пили всю ночь, а на утро он все это выдумал. Джузеппэ Сарагат: исторический анахронизм. Все спокойно в России. А Старику почему-то не спится. Мысль, как и всякое движение, идет по железным законам: тезис, антитезис и синтез, причем этот синтез есть новый тезис. Но даже чека не в силах остановить колесо общественного развития. Гнать эту мысль. Гнать. Чем больше ее гонишь, тем настойчивей она возвращается. Ты умрешь, а они будут делить твою власть. Ты умрешь, а они будут жить. Ты умрешь, а все им достанется. Кому оставить? Кому завещать? 71 день или 71 год – какая разница. Кто кого съест? И товарищ Сталин уже не подпишет приказ о назначении товарища Сталина Первым Председателем Мирового Союза ССР.

²⁹ *Дон Кихот с площади Свердлова* – С.П. Писарев.

Еще одна попытка написать НЕЧТО про ничего в особенности. Ирония над собой – только наиболее удобная и съедобная форма проповеди и пропаганды. Только скрытые возможности прямо противоположного характера. Чужая забота. А все остальное остается загадкой. До тех пор пока. Вот тележка с яблоками³⁰ и на мели. Один сплошной свист. Это все жолуди не из-под того дуба. «Дикий капитан» Ю. Смуула: Л. Любецкий в роли Энн Уутоа. Такой хороший бред. Бре-е-ед. Ощущение «разрезать» было правильное, но к чему оно привело? Не перечитав написанное, будешь топтаться на одном месте и повторять в 25-й раз одно и то же без всякой видимости новой интонации. Перечитав, скажешь: ну и что будет? А тележка с яблоками на мели. А воз и ныне там. Слишком много ритуала.

Но если ритуал отдельно, то наоборот: нужно как можно больше ритуала. Тогда может станет ясно. Как техника моментальных подборок при помощи фотографии. Как возвращение к смерти героя.

А рассказать, как она соблазнила 4-х-летнего мальчика? Ладно, не буду. Пора ребенку писать старческую литературу: а то надоели эти дяди и тети, которые пишут про детей и называют это детская литература. Были слова и события, они забылись. Легко восстановить только то, что могло бы быть. Но все равно главным будет точка зрения взрослого автора.

³⁰ «Тележка с яблоками» – комедия Бернарда Шоу.

Тут уж ничего не поделаешь. Ты вот напиши историю человека от зачатья до рождения, вот тогда ты будешь ВП³¹. Она уже написана. Это «Котик Летаев»³². Но это же не Борик Бугаев.

Это же Андрей Белый в промежутке между «Золотым леопардом» и «Серебряным голубем»³³. У каждого серьезного писателя может быть три «Котика Летаева».

4311

Аленький цветочек: был когда-то. Да помнят ее еще некоторые: была красавица Москвы. Божий одуванчик: надоела ему эта занимательная гинекология! А он еще и нахал ко всему прочему.

А мы ведь договорились: мы возвращаемся к фонетическим удовольствиям. Считать чужие деньги. Кто знает, что б вышло, если б сохранилось. Тоже ведь было всякое. Я тебе говорила: возьми какого-нибудь тирана и пиши исторический роман. Нисколько он не облегчает, а только заморачивает голову.

Высокомерная цивилизация молчит и не подает никаких

³¹ ВП – великий писатель.

³² В романе Андрея Белого «Котик Летаев» (1916) речь идет о младенчестве автора.

³³ между «Золотым леопардом» и «Серебряным голубем» – золотой леопард появляется в мемуарной книге «Начало века» (с.461) в эпизоде, относящемся к 1905 г.; «Серебряный голубь» вышел в 1909 г.

сигналов из космоса. Это только не уверенная в себе посылает: мы разумные! мы есть! мы знаем теорему Пифагора! мы расщепили атом! обратите на нас внимание! мы есть! мы есть! мы есть!

Связь с другими мирами. Чужая забота.

Из этого театра я выносил риторические фигуры да тщеславное удовлетворение: самый дорогой билет и постоянное место: 2-й ряд, второе место с края. А в это время Кавалерист на белой лошади сидел с ними рядом и держал ее за руку. Никому не давай читать!

Милый друг, наконец-то мы вместе³⁴. Ты плыви, наша лодка, плыви. Волны на морском просторе вдруг отчетливо поманили вдаль. Ладно, еще раз с самого начала. Ладно. Возврата нет, нет возврата. Или покойник или победитель. Обо что ушибся, тем и лечись.

От «Овода» других впечатлений не осталось.

4312

Как ты с ней говоришь! А Бурбоны все потеряли и ничему не научились. Об этом я и сказал. Как ты смеешь говорить так с княгиней Марьей Алексевной! Ладно, хватит. Не буду. Все равно без толку.

Низкие своды каменных коридоров: чья-то бывшая власть.

³⁴ *Милый друг, наконец-то мы вместе...* – из песни из кинофильма «Первая перчатка» (1946); стихи – В. Лебедев-Кумач, музыка – В. Соловьев-Седой.

Неужели одни неудачи и щелчки и неуспех? Чужой успех: она берет профессора Нусинова под руку и удаляется. Наоборот. Одна неудача и сразу оском.

Хоть бы раз тебя увидеть.

Я забыл про боевые группы «Железной пяты»³⁵. Но вдруг в сочинении на тему прорвалось: пламенный идеал человеческой свободы. Я еще удивлялся: почему джек-лондонская точка зрения? Но как они догадались? К следующему сочинению я готовил цитаты 10 месяцев из А. Фадеева, И. Сталина и вообще из классиков марксизма-ленинизма на английском языке. Вера Ивановна, ваш экстерн написал реферат, не просто сочинение, а реферат, я его проверяла целую неделю. Надо бы размножить и дать студентам читать: там одних имен сколько! Комрид Имханицкая уже покойница.

Чтение «Фауста» было прервано бомбежкой больницы. Коган остался, а меня на больничных дрожках перевезли в деревянный домик. Чтение «Фауста» было прервано, когда она с яблоками лезла в окно. Я увидел толстую ляжку выше колен и пожалел о многом. Куда девались ее вызывающие груди, когда она лежала под одеялом? Просто исчезли. Я вас заставлю говорить по-японски. Мужчин-то мало, попользовалась и уступи другой. Но когда —. Ну вас всех!

Давно б посадили-если-бы! Давно бы!

Это они еще не знали, а то б еще не так.

³⁵ «Железная пята» – роман Джека Лондона о классовой борьбе.

Ваши труды конфискованы и возврату не подлежат. Коротко и ясно.

Мечта Феликса Круля: вел в лагере дневник, и всё возвратили, только вырезали отдельные места.

Через 2 дня я уже встречал некоторые иероглифы как старых знакомых. Но советские войска продвигались быстрее. Кто быстрее? Я изучу японский язык или наши войска возьмут Японию?

На каменном полу Киевского вокзала в Киеве в тот день, когда по радио объявили о покушении на Гитлера, старый Скоган говорил о том, что он никогда без куса хлеба не пропадет. Я изображал из себя крупного дельца и такой мелочью не интересовался. Я был крупный спекулянт. По идее. Он мне будет говорить, что он хороший рассказчик, когда на него смотрят внимательные глаза симпатичного собеседника.

Как с Андреем Белым: те же недостатки, но без его достоинств. Кому вы даете уроки русского языка?

– Твои шашни с Алексеем Алексеичем!

Из пачки денег в пиджаке исчезла одна 25-рублевка. А может и две.

Но он же сам воспользуется и рукой мастера обойдется без твоего имени. Это и остановило.

А на адюльтер я не пойду!

От Пушкина до Тимирязева³⁶: не забуду никогда. Не читайте своих стихов, читайте хорошие. И зажигательные речи были?

Он получил единственный в СССР документ, дающий право на вход в буржуазное общество. Он подписал письмо. Еще и 4 месяцев не прошло и билет еще не получил, и вдруг такая угроза. Неужели всех будут исключать?

Ноги у нее он заметил.

На одно произношение всем знакомых имен ушло 4 года в Оксфорде. Сменить всю библиотеку. До свиданья без руки, без слова!

Озеро в жаркий день.

Я вижу Пинзура. Лучший пропагандист и теоретик в школе наркома. Мой лучший ученик, говаривал начальник секретариата. А вы считайте, на каком ходу я вам поставлю мат. Веселая игра, нечего сказать. Да, но все-таки я подписался там, где напечатано типографским способом «подпись расстрелянного». Тут тебе и яйца отрежут, и ничего не скажут, и ты промолчишь. Что они ему, уколы что ли какие дают? Что-

³⁶ От Пушкина до Тимирязева – Тверской бульвар.

то на него не похоже. Вот благодаря этому письму и все обошлось благополучно. Да, история благодарна вашему лично-му вмешательству, не иначе. Странно, что это уже где-то было, но где – вот вопрос. И к чему это клонилось, всем тоже было ясно. А у него какой разряд? Боюсь, что первый. Но третий разряд не в счет. Кто ж будет играть? Третий разряд за пределами. С третьим никто не будет считаться. Первым быть хотелось? А первым это лишь терпелось? Ну и переводчик-мастак-энтузиаст. Вот как надо, а то вы.

Пора заканчивать балладу,
а новых начинать не надо.

4316

Он будет переживать, а ты будешь смотреть: чего тебе еще нужно? Оказалось, этого мало. Конец Виталия видал современник. Ты себе представить не можешь, что значит для актрисы знакомство с театральным критиком. Это почти то же, что для тебя быть кумом королю. Был такой один случай. Но я им не воспользовался. А сват министру больше не звонит, не показывается. Может, его уже больше нет? Лексика из журнала «Социалистическая законность»: читает на сон грядущий парень с револьвером. Не дала? Ну и сука! А я работаю в другом отделе. Я поспрашиваю ребят, но вряд ли. Я так и понял. На пароходе все выглядело скромней и незначительней. И вдруг выросла цена понапрасну потраченных усилий. Он на меня и не посмотрел больше. Только когда я

про морковку, а я нарочно. Пусть гад думает, что это правда. Костыли не спасли паспорт. Они пришли в Институт Склифосовского и забрали. А что я могла сделать? За вами следит пара глаз. ПАРАГЛАС был пароль. Быть ему Панглосом, он болен, это не мечты. Значит возможно Сопротивление! У нее в голосе горели глаза. Она впервые увидела гестаповцев. Она дура. Это еще не гестапо. И даже совсем не гестапо. Но гестаповцев ей увидеть не пришлось, и дай Бог каждому: она погибла случайно. Битва на рельсах еще только начиналась. У нас есть злые старики, но нет Петенов и нет Лавалей. Расстреляли и наших Паскалей. В число отдельных недостатков у него входит: вот отца расстреляли, это ошибка, вот евреев не принимают на работу, это ошибка, ну и все, а какие еще?

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

6

протуберанец

Все белое. Все засыпано снегом: и трава и листья и асфальт.

Волна радости: но хоть для узкого круга, ведь мы обязаны, на нас лежит долг сохранить и довести до потомства.

ПОДВИЖНИК

ТУТ ДОРОГИ РАСХОДЯТСЯ

Опять охота на тигров и переселение душ. Тут Европа никогда не поймет Азию, а Азия Африку.

Но жизнь разыгрывается вовсе не по этим линиям. Чудак, они как будто не догадываются. Тут действуют большие интервалы. Свершив подвиг, он приступил к эксплуатации подвига и потом всю жизнь только этим и занимался. Разная степень сосредоточенности, только и всего, а сущность та же. Разными способами достигалось одно и то же. Важно, что человек испытывал удовлетворение. 15.11.65

Кроме того, пустота заполнялась и ерундой. Повод ушел, слова потеряли направленность. Оценщику в ломбарде наплевать на повод. Ему нужна вещь. А потом оказывается, ему нужно только то, что ему нужно. Линии расходятся. Дорожки не пересекаются. Ничего загадочного не вижу. Как бы понравиться? Как бы не вызвать неудовольствия?

Была еще одна грань, но она забылась. Жертва собственного характера и танец на чужих словах. Не прошло, не погибло, не отошло. Игра та же. Переплет другой. Он перецентрился. А ты все тот же. Он ушел. А ты все та же. Но пародия до сих пор не чувствуется. Тебе нужна рыбалка, а тебе навязывают охоту. Тебе бы про красноперку, а тебе рассказывают про антилопу. Но второго пика не было.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

протуберанец

ЭПОХА РАЗДИРАНИЯ

НА ЧАСТИ

еще не кончилась.

Impulses – good or bad?

– come and go. 25 times one and the same.

Ride, boldly ride.

Write, boldly write.

THE SHADE REPLIED

What's the English for ГЗБ – /корабля/ GZB?

Beauty is only skindeep. Insight, only cock-deep. Strictly speaking, only stiffprick-deep. To be more exact, 14 cm.

The importance of cutting syntax. We read out loud and cut somebody else's syntax.

Собачьи мысли и свинячий переживания: у всех немцев страсть к дневникам. Видимо, это в любой степени относится ко всему. Мсье С. Котина – Monsieur S. Cotina: push and pull in 25 different directions³⁷.

³⁷ *Monsieur S. Cotina...* – Месье С.Котина: «толкать и тянуть в 25 различных направлениях. Импульсы – хорошие или плохие? приходи и уходи. 25 раз одно и то же. / Скачи, смелей скачи. / Пиши, смелей пиши. ТЕНЬ ОТВЕТИЛА Как по-английски ГЗБ – /корабля/ GZB? Красота лишь на глубину кожи. Внутри, только на глубину члена. Строго говоря, только на глубину напряженного члена. Со всем точно, 14 см. Важно игнорировать синтаксис. Мы громко читаем, игнорируя

Озадаченность не поможет. If you can trust yourself when all men doubt you, but make allowance for their doubting too³⁸. Закон и кулак, как вас теперь называть? Не пропадет твой скорбный труд в любом случае. Мало, мало. Мало. Вот так же было и с балетом. Ты входил в чужие интересы, а они менялись. И люди и интересы. Как сидеть между двумя машинками. Рыбья пляска сменяется тишиной. Златая цепь на дубе том. Всех чаще мне она приходит на уста. Усталый раб опять задает вопрос. Не с его носом. Послушайте, о чем они говорят, нет, вы только послушайте. Голоса перебивают друг друга, каждый бормочет о своем. А в глубине души все ТА Ж. Я б другой сложил напев. Соединить несоединимое – чудак, значит нужно было. И гром не ударил и мужик не перекрестился. Персональный интерес. Опять не в ту сторону. Был правильный импульс. Он возвращал нужные картины. Она пользуется успехом: ее рвут на части. И проблема теперь другая. Достаточно посмотреть на лица. Машина скрылась за поворотом. Есть же, есть же, есть! Там слишком много того, что проходило мимо. Что-то такое, чему нет названия. Как мелькнувшая картина. Как звуки чужого языка. Как заботы далеких дней. Эта пародия тогда воспринималась как гроза и угроза. Совсем не смешно. Скорей бы, а то меня раздерут на части.

синтаксис».

³⁸ *If you can trust...* – «Если ты веришь в себя, когда все в тебе сомневаются, в то же время не лишая их права на сомнение» (Киплинг «Если»).

ЗАСКОК

8 стр

31.3.66

Милый ласковый щенок, но среди собак ценилось умение дать сдачи. Когда я вырасту, я тебе покажу! Я вам покажу, когда буду большой! Из милого щенка выросла мощная собака. Никто и не собирался теперь ее задирать. Когда он вырос, оказалось, показывать никому нечего. Есть чего, но ничего не надо. И беззаботность и бесстрашие, как у гориллы. Тут же и благодушие и даже добродушие. Нас не трогай, мы не тронем. Культ физического совершенства оказался вполне достижимым, но вот стремление к гармоническому развитию – это беда. Тут и началось. Во всем достигнуть совершенства. Надо. Хочу. Долг. Желание. Я так хочу. И так надо.

А у меня все лучше всех. Вот уже и загиб. У мальчика был заскок насчет Маркса и Тургенева. А потом оказалось, и капитан Майн-Рид тоже. Те же даты: 1818–1883. На мысли одной помешаешься ты и с ума ты сойдешь от безумной мечты. И трактат, и портфель, и походка. Но вот на шапку лучше всех денег не хватает. Но БСЭ купил. Но когда я проштудирую трехтомник Белинского? И от плавания придется отказаться. Он философ? Скорее командир взвода. Боксер. Борец и Клоун. Ну как, казак, твое свидание? Свидание не состоялось. Нет времени

и греблей заниматься. Тоже уверен, что будет малапаги-

ниана? А почему нет? Ты можешь позировать под Минина и Пожарского, а я нет? А Шолохов – что, бог?

3

заскок

2

Ты можешь взять «Эмпириокритицизм» и работать самостоятельно. Или «Феноменологию духа». Могу, но меня интересует один вопрос. Это дело добровольное или нет? Я могу взяться за это, когда захочу или только когда вы скажете? Он все энциклопедии перечитал. У него одних определений идеологии 14 штук. В мужской бане мы видели молодого бога. Вот каким ты будешь, если будешь заниматься гимнастикой. У вас есть данные. И только? Ничего больше не надо, только посещать секцию. Я готов 10 лет в лагерях отсидеть, только бы иметь твое здоровье. А больше ничему в тебе не завидую. Теперь уж он не говорил тебе больше: ты гений. Да и тогда было, конечно, с ожиданием ответа «Ты тоже». Но он такого ответа не дождался. Я может и гений, т. е. почему может, я, конечно, гений, а вот ты не похож на гения. А чем я хуже Максима Горького? У меня такие слова вызывали раздражение и бешенство, и мы ссорились. И этим не пришлось заниматься. И тут нужны жертвы. Чтобы читать «Фауста» Гете по-немецки, я готов все сделать. Ото всего отказаться. Даже от Москвы. Уехать и 2 года читать одного «Фа-

уста». Разговор о Ларуссе бесил и ввергал в бессилие.

заскок

3

Разве можно обьять необьятное? Но так хочется. Но это высокомерие физически недоразвитой девушки уязвляет больней, чем явное снисхождение, если не презрение, москвички к провинциалу. Я вам покажу «командир взвода». Мыслитель? Скорее пулеметчик. Я вам покажу «пулеметчик». Ты вон какую нам карту Союза отгрохал для Комсомолии. Не всем же сразу начинать с фельетонов, а? Почему не всем? На лице этого парня было написано восхищение. Он смотрел на тебя как влюбленная девушка. Они нарочно не оставили портфель, чтобы рассмотреть тебя вблизи в трусах. Великолепное животное, ничего не скажешь. Зввверь! Тигр. Борец. Турник пришлось сразу же бросить. Коньки пришлось оставить в смысле фигурное катание. От лыж дрожали руки, и трудно было прямо из лесу с лыжной прогулки переключаться на лекцию по теории литературы. Хорошая пара. Жалко, нет фотоаппарата. Оттого и был долгий задумчивый взгляд 30 лет спустя у прилавка с немецкими книгами.

заскок

4

У нее на лице был написан ужас, когда она меня увидела на костылях. Это было в трамвае. Трамвай шел по Моховой мимо Университета. Откуда он ее знает? Нашего завлита? Ты мне сегодня нравишься. Ну-ка, прочти еще раз свою пародию. Здорово, а? А то, что я заплакал, читая твой рассказ, просто слезы душили, так это, дурак, комплимент для твоего рассказа. Я хочу переписать его по-своему. Будет два рассказа. Пожалуйста, переписывай. Знать множество стихов и можно ничего не знать больше. А у них самая мощная официальная организация, за исключением партии и комсомола. У баптистов или у хлыстов? Мощная собака в новом окружении вдруг почувствовала себя щенком. И тут нужна специализация. Если ты бегун на длинные дистанции, так тебе и нужно развивать только ноги и бегать только на длинные дистанции. А как же с гармоническим развитием во все стороны?

заскок

5

Удар был нанесен новым французом. Легче всего давался язык, вот языком и нужно было больше всего заниматься. Вот и сейчас тоже. Стихи по-японски можешь не писать, но проконспектировать оксфордский курс давно надо было. стакан воды, чужой успех, ах как неудобно, ах как нехорошо, ну просто невыносимо. Потом вдруг стихи Есенина и реакция. Да что, я машина что ли! А я каторжный? А я крепост-

ной, да? Не хочу быть зубрежной машиной, не хочу. Первая двойка у профессора Неусыхина по истории средних веков так не обескуражила, как этот стакан воды по-французски. Отстал. Безнадёжно отстал. Не догнать. Лучше уж сойти с дорожки. Казалось, поскользнулся и медленно сползаешь в пропасть. Все тебя принимают ЗА, а ты уже не академик, ты внутри уже боцман.

заскок

6

Нет дудки, я и на военном корабле останусь литературным критиком. А я все равно. А там не нужно было читать Байрона и Багрицкого. Читал «Гренаду» с чувством, но лучше б сразу взял быка за рога. Вот уж ни к чему, так ни к чему. И вот среди этих-то орангутангов я вынужден жить в самые плодотворные годы моей жизни. Тебе удастся преодолеть титаническую мысль великого Виссариона. Подумаешь! Мне это ничего не составляет. Я еще и не то могу. От трехтомника Белинского через Писарева и как-бы-письмо-Сталину «Дайте нам свободу слова и мы вам покажем, что такое великая русская литература» был естественный переход к тридцатитомнику Ленина. Мы были воспитаны на том убеждении, что критика поэзии – это в первую очередь критика жизни и без участия в революции не может быть русского писателя или критика или мыслителя. И это еще дальше от французского языка и французской литературы.

У мальчика был заскок насчет Тургенева и Маркса. Написать новый «Капитал»

и новые «Отцы и дети», это нам ничего не составляет. Мы такие. А вот какие вы, это еще надо посмотреть. Конечно, об этом никому ни слова, но иногда разве нельзя дать понять и поиметь в виду? Иногда это и прорывалось. Я эгоцентрист и ты эгоцентрист, но нельзя же всех остальных считать дураками! А почему нельзя, если он дурак? Я хочу увидеть, что за человек ты, а вовсе не тот парень, о котором ты так много рассказываешь. Что ты любишь, к чему ты стремишься, кем ты хочешь быть, что ты за человек? Это был последний разговор с расстрелянным вождем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.